

Татьяна Серганова

ДЕТИ ТЬМЫ. ПРОКЛЯТАЯ
ХИЩНИК ЦВЕТА НОЧИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Татьяна Серганова

Хищник цвета ночи

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С32

Серия основана в 2011 году
Выпуск 407

Художник
О. Бабкин

Серганова Т. Ю.

С32 Хищник цвета ночи: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2812-0

Мой начальник красив, умен, обворожителен. А еще Ник Н'Ери хищник, привыкший получать то, что хочет. И сейчас ему нужна подставная невеста для родственников, в роли которой он видит лишь меня. И я бы отказалась, если бы самой не понадобилась помощь. Откуда я могла знать, чем закончится для нас эта игра в любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Серганова Т. Ю., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2812-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Вика, солнце мое ненаглядное, что ты делаешь сегодня вечером? — поинтересовался шеф в конце рабочего дня, когда я очередной раз принесла ему кофе.

Рука от неожиданности дрогнула, но ни капли не расплескалось на белоснежное фарфоровое блюдечко.

Поставив чашку на край стола, я медленно выпрямилась. После чего невозмутимо взглянула на начальника, мило улыбнулась и четко произнесла:

— Нет!

— Что нет?

Невинное выражение на красивом лице меня совершенно не успокоило. Я видела, как лукаво горят хищным светом глаза. Точно ведь что-то задумал. А лично для маленькой и скромной меня это могло означать только одно — проблемы.

Сегодня с самого утра глубокоуважаемый Ник Н'Ери вел себя крайне странно. О чем-то долго разговаривал с неизвестным лицом по личной, строго засекреченной линии, к которой даже у меня не имелось доступа. А кто может быть ближе, чем личный секретарь, подбирающий начальнику все, вплоть до нижнего белья?

Отменил намеченные на сегодня встречи и пропустил важное собрание директоров, бросив через плечо: «Придумай что-нибудь». Вот кто так говорит? Мне пришлось лгать гендиректору и выкручиваться. А это — то еще занятие. Смотреть в холодные глаза господина Шуева и врать, понимая при этом, что он в курсе того, что обычная секретарша ему вешает лапшу на уши. А ведь если генеральный захочет, меня в ту же секунду выпрут из холдинга без выходного пособия и рекомендаций, и Ник не спасет.

В этот раз повезло: то ли Шуев был в хорошем настроении, то ли Н'Ери был не так сильно ему нужен, но меня отпустили с миром.

Вернувшись, я достала из заначки шоколадку, трясущимися руками содрала шелестящую оболочку и съела почти всю плитку, ничем не запивая, смотря при этом невидящим взглядом на запертую дверь кабинета Н'Ери и размышляя о смысле жизни, карме и грехах, за которые мне сейчас так достаётся.

А ведь Ник даже спасибо не сказал, просто в конце дня стал странно на меня поглядывать. Обычно таким взглядом смотрят на чемодан без ручки, вроде и выбросить надо, а жалко.

Нет, не в том смысле, что Н'Ери собирался меня уволить. Ха, да этот клыкастый замучается искать замену, попутно отбиваясь от любвеобильных кандидаток, которые давно облизываются на молодого хищника. На тысячу процентов уверена: стоит мне только уйти, помахав напоследок ручкой, как девицы со всех этажей нашей огромной корпорации кинутся на собеседование с убийственным рвением. Если при этом они затопчут шефа, то это будет невероятным везением.

Все известные мне дамы, с которыми я встречалась во время коротких перерывов на обед в корпоративной столовой на втором этаже, делились на три группы: те, кто боялся Н'Ери; те, кто хотел Н'Ери; и те, кто боялся и хотел его одновременно.

Я на фоне этого гормонального помешательства была редким исключением. Ник, посмеиваясь, называл меня «индивидуумом, который не хотел и не боялся, а просто работал». Иногда мне казалось, что это его в какой-то степени задевало. Однажды мужчина даже поинтересовался, не привлекают ли меня девушки. Правда, потом долго извинялся за свой вопрос, увидев мое вытянутое лицо, покрывшееся красными пятнами.

Если честно, на самом деле все обстояло не совсем так. Во-первых, я не боялась, но все-таки была настороже. Новости о нападениях хищников, одурманенных лунным светом, все еще встречались, несмотря на повсеместную вакцинацию.

Во-вторых, я не хотела, но признавала, что Ник хорош, красив, обаятелен и весьма симпатичен. Мало того, мужчина умел пользоваться своим звериным обаянием на полную катушку, оставляя после себя шлейф разбитых сердец и грешных фантазий.

Что поделать, если единственный из трех хищников, работающих в «ЛайфКорп», был холост, молод, красив и невероятно

сексуален. А еще очарователен и загадочен. Убийственная смесь для прекрасной половины офиса, которая мечтала о безумной любви и обжигающей страсти, как в книжках и сериалах.

В последние годы страх перед хищниками притупился. Резервации уже не казались местом обитания чудовищ, охочих до человеческой крови. Представители двуликих все чаще жили среди обычных людей, мелькали на телевидении, умело пользуясь самым страшным человеческим пороком — любопытством. Хищники столько столетий обособленно существовали в своих общинах, что о них практически ничего не было известно, а тут вдруг появился шанс узнать их, прикоснуться к их миру и культуре.

Конечно, все это оставалось бы невозможным без повсеместной вакцинации. Но даже с «лунной меткой» риск стать жертвой имелся. Но соблазн был так велик, а правительства, заинтересованные в сотрудничестве, подогревали интерес простых граждан. Дело не только в физиологических особенностях хищников: их силе, выносливости, второй ипостаси и бешеной регенерации.

Есть кое-что дороже золота. Знания. Те самые, что были утрачены людьми в век инноваций и технологических свершений.

Надо сказать, у сильных мира сего получилось довольно быстро ввести хищников в общество. Если лет пятьдесят назад это казалось фантастикой, то сейчас все обстояло иначе.

Хотя бабушка до сих пор вздрагивает, когда видит двуликих по телевизору, и крестится. А в последние годы, после того как у нас в деревне поселилась семья хищников, вообще отказалась выходить из дома. Стариков сложнее убедить в том, что двуликие не опасны, стереотипы все еще живы. Родители долго не рассказывали ей, что я работаю на одного из таких монстров.

Но молодежь — это совсем другое дело. Последней темой разговоров в нашей столовой была новая серия «Лунная любовь», в которой шикарный волк Людвиг наконец признался прекрасной Пэгги в своих чувствах, схватил в охапку и унес в пещеру предаваться разврату. Честно, я не смотрела, но, присутствуя на встречах с коллегами, волей-неволей выслушала описание всех двухсот шестидесяти пяти серий.

А тут под носом самый настоящий хищник, из плоти и крови. Пусть не волк, но тоже очень хорош. Ему надо лишь приняться и понять, что это его судьба.

Делегации на обнюхивание все еще приходили к нам на этаж. Каждая незамужняя новенькая считала своим долгом показаться на глаза исполнительному директору. Вернее, в нашем случае не на глаза, а на нюх.

Бред.

— Измайлова, поменьше смотри телевизор, — отсмеявшись, произнес Н'Ери, когда я, не выдержав, спросила, а правда ли, что они находят жену по запаху. — Да, мы более чувствительны к ароматам, но это не значит, что они заменяют мозг.

Про эту чувствительность я знала. В моем контракте даже был специальный пункт о запрете использования туалетной воды или сильно ароматизированного геля для душа. И еще один пункт — об обязанности принимать душ не меньше одного раза в день, лучше два. Помню, как два года назад поперхнулась и закашлялась от неожиданности, отказываясь верить своим глазам. Разве такое могло быть?

— Проблемы? — вежливо поинтересовался Н'Ери, глядя на мою растерянную физиономию.

Я молча ткнула в строку договора.

— И? — Мужчина приподнял бровь, вогнав меня в краску. Тогда я еще не научилась держать лицо и не реагировать на хищника. — С этим проблема? Ты не любишь мыться?

— Нет, но...

— Тогда отлично, Виктория. Это чистая формальность.

Теперь чистота моего тела и исходящий от него запах регламентировались трудовым контрактом. Что-то вроде личного дресс-кода — узкая черная юбка, светлая шифоновая блузка, чулки, волосы, собранные в пучок, нейтральный макияж и аромат, приближенный к естественному.

Первое время я еще пыталась рассказать коллегам, что по запаху хищники жен себе не выбирают. Но никто не слушал. Сказка намного лучше реальности, поэтому мне не верили, считали, что я из зависти мешаю попытать счастья другим.

Так вот, сегодня Н'Ери смотрел на меня так, будто ему что-то было очень надо, но мужчина не знал, подхожу ли я для этого.

Озарение посетило хищника вечером, когда до ухода оставалось всего ничего. А ведь счастье было так близко!

— Все нет, — так же четко ответила ему и схватила папку с документами, которые начальник уже подписал и отложил в сторону.

— А за премию? — В голосе прозвучали мурлыкающие нотки, которые безотказно действовали на всех женщин в радиусе ста метров.

Если только женщина не являлась личным помощником, у которого врожденный иммунитет к подобного рода соблазнам и повышенное чувство самосохранения.

И вообще, я собак больше люблю.

Проблемы из мелких превращались в крупные. Ник не был скупым и жадным. Зарплата у меня гораздо выше, чем средне-статистическая на должности личной помощницы, но и деньгами мужчина просто так никогда не разбрасывался. Без особой причины.

— Три раза нет, — непоколебимо сказала я.

Никакие деньги не могли восстановить мои нервные клетки, павшие смертью храбрых после выходок начальника, и шоколадки для восстановления психического состояния у меня закончились.

Тут же мысленно сделала себе пометку: не забыть в понедельник принести стратегический запас сладкого. До Нового года и долгожданных выходных всего неделя, но это не значит, что Ник не станет чудить.

Я демонстративно открыла папку и на весу принялась проверять, все ли мужчина подписал, есть ли какие замечания или доработки.

Но нет, везде стояла резолюция шефа.

— Измайлова, ну чего ты такая вредная?

В голосе Н'Ери злости не слышалось, так что пока опасаться было нечего. Наоборот, мне даже показалось, что мужчина чем-то очень сильно доволен. Словно ожидал именно такой реакции, и она ему страшно нравилась.

— Я не вредная, а ученая. Что бы ты ни задумал, я принимать в этом участия не буду. Даже за премию. — Потом, подумав, добавила: — И за двойную тоже.

Два года работы бок о бок давали о себе знать. Наедине мы давно перешли на «ты» и могли позволить некоторую вольность в разговоре. До отправления начальника в пешую прогулку в бездну и обратно не доходило, но я могла возмутиться и огрызнуться.

Иногда.

Все надо делать в меру. Даже посылать шефа на чаепитие к бабушке рогатого создания.

— А за двойной оклад?

По позвоночнику пробежался неприятный холодок, а в голове будто лампочка замигала: «ОПАСНО!»

— Господин Н'Ери... — начала я, но меня тут же перебили:

— Измайлова, а как у тебя с личной жизнью?

А вот это совсем плохо. Не в том смысле, что у меня проблемы с личной жизнью (какие могут быть проблемы с тем, чего нет?), а в том, что он вообще задал этот вопрос. В последний раз подобная тема поднималась в самом начале нашей совместной работы, тогда мы все решили и обговорили.

— Хорошо.

Конечно, хорошо. Ее же нет. И времени нет. Потому что по будням я работаю с девяти до того самого момента, когда Ник уходит домой. Иногда это происходит в десять вечера, иногда ближе к полуночи.

Что странно, на его личную жизнь такой ритм работы никак не влияет, еженедельно желтая пресса рассказывает о новой подруге Н'Ери. А вот мне мешает страшно. Мало кто из парней выдержит отмену двух-трех свиданий подряд. И звонки шефа поздней ночью с каким-нибудь вопросом или приказом.

А в выходные, если меня, конечно, не вызывали в офис, я пыталась отоспаться, убрать в квартире и забить холодильник полуфабрикатами собственного приготовления, чтобы в течение недели не умереть от голода. Потому что единственное, на что хватало сил после работы, это разогреть еду, съесть ее и упасть на диван.

— У тебя кто-то есть? — не отставал мужчина, что меня еще больше нервировало.

Лампочка не просто мигала, ее мигание сопровождалось воем sireны.

— Это очень личный вопрос, отвечать на который я не обязана, — напомнила шефу. Можно было, конечно, сказать правду, но проснулись упрямство и упорство.

Как будто мой ответ Ника остановит!

— Задержись после работы.

— Зачем?

Все дела были переделаны, бумаги подписаны и подшиты, письма разосланы, и формальных причин оставаться не имелось.

— Я приглашаю тебя на ужин.

Нечеловеческий взгляд хищника не предвещал ничего хорошего.

Интуиция настойчиво шептала, что вечер пятницы медленно накрывается медным тазом. Ничего особенного сегодня не намечалось — скромный ужин, диван и телевизор. Нет, без «Лунной любви». Я пару дней назад скачала боевик и собиралась насладиться небритым мужчиной с огромным пистолетом, который объявил войну целому миру.

Собственно, ничего странного в этом приглашении не было. Мы иногда ужинали вместе, несколько раз, когда засиживались за работой до полуночи, Ник отвозил меня домой. Но в этот раз все выглядело иначе.

— Мне заказать столик? — прижимая папку к груди, деловито уточнила у шефа.

— Я уже заказал, — откидываясь на спинку кресла, ответил мужчина, продолжая пристально меня рассматривать.

Зеленые глаза странно поблескивали, еще больше усиливая мою нервозность.

С каких это пор Н'Ери стал утруждать себя подобными мелочами? Может, он решил меня уволить, а на мое место взять более сговорчивую дамочку, которая начнет перед ним стелиться, заглядывать в рот и восторженно вздыхать, а не закатывать глаза и ворчать. Но кто тогда будет работать?

— Что-нибудь еще?

— Нет, можешь быть свободна, — ответил щеп, взял кофе и отвернулся к экрану компьютера.

— Хорошо, — пробормотала в ответ и поспешила к выходу.

В приемной, положив папку на стол, растерянно замерла у окна, всматриваясь в город. Сумерки давно опустились на столицу. Укрытая пушистым снегом, она мерцала разноцветными огнями неспящего города, яркими лентами автострады и большими голографическими вывесками.

Шпиль «ЛайфКорп» находился на небольшом холме, что делало его еще более массивным и впечатляющим. Высотку с зеркальными окнами было видно из любой части города. Ее еще называли «радужной», так как она меняла цвет в зависимости от освещения, времени суток и даже погоды.

На столе, вырывая меня из задумчивости, завибрировал телефон.

Бросив взгляд на экран, сразу ответила:

— Привет.

— Ты дома? — забыв поздороваться, выпалила Дашка.

Где может быть нормальная девушка в семь часов вечера пятницы? По представлению младшей сестры и мамы — дома, готовить еду любимому мужу или жениху и преданно смотреть ему в глаза.

— Еще на работе. — Я вернулась к окну, продолжая наблюдать за огнями ночного города.

— А когда будешь?

В трубке что-то грохнуло, раздался детский смех и приглушенный мужской вопль: «Милка!»

Дашка тяжело вздохнула и рыкнула в сторону:

— Можно потише? Я разговариваю! — и уже спокойно сообщила мне: — Прости, сложный день.

— Все нормально. Когда буду, не знаю. Что-то случилось?

Молчание. Сестра как-то странно замялась, словно подбирала слова и не находила.

Сердце сжалось от тревоги. Я коснулась ладонью гладкого стекла, чувствуя, как холод слабо покалывает кожу.

— Даш, что случилось? Родители? Ба?

— Нет, нет, — сразу затараторила Дашка и засопела в трубку. — Все живы и здоровы. Просто... мне надо с тобой поговорить. Когда окажешься дома, позвони. Не важно, во сколько. Я буду ждать.

— Хорошо. Но точно все здоровы?

Убрав руку, я повернулась к огромному цветку, который рос рядышком, и принялась рассеянно трогать листочки, обрывать желтые, тербя их между пальцами, пока они не осыпались вниз. Надо будет не забыть полить перед уходом, а то засохнет.

— Да, все страшно по тебе скучают. И я тоже, — снова вздох. — Вика, тебя здесь очень не хватает.

— Дашка, не пугай меня, — всерьез забеспокоилась я.

— Прости, я не хотела тебя пугать. Ну все, пока. А то там Лешка с Милой не справляется.

— Поцелуй ее за меня.

— Обязательно.

— И передай, что я помню про платье, как у принцессы из мультика.

Дашка тихо рассмеялась каким-то особенным материнским смехом.

— Ты ее совсем разбаловала.

— Для этого и нужны тетушки.

— Все. Не буду тебя отвлекать.

И отключилась.

Я некоторое время изучала телефон, размышляя, стоит звонить родителям или пока нет. Еще растревожу своими вопросами, мало ли о чем Дашка хочет со мной поговорить.

В этот момент дверь в кабинет начальника открылась, явив свету самого Н'Ери.

— Готова? — спросил он, надевая пальто.

— Так до конца рабочего дня еще десять минут, — заметила, убирая руки за спину.

Его появление было неожиданным, и я не успела нацепить маску, уж слишком встревожил звонок сестры.

— Не переживай, шеф разрешает уйти пораньше, — произнес Ник и нахмурился. — Что-то не так?

— Все нормально. Просто пятница.

Не поверил, снова сверкнул глазами и кивнул.

— Тогда вперед, Измайлова. Нас ждут великие дела.

Нет, все это мне определенно не нравилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ник, что тебе нужно? — в упор спросила у мужчины, нетерпеливо постукивая короткими ноготками с любимым френчем по столешнице.

Ресторан «Арабеска» входил в пятерку лучших не только в столице, но и в стране. Находилось это пятизвездочное заведение на последних этажах небоскреба «Эверест», который по высоте мог конкурировать со зданием «ЛайфКорп». Сами понимаете, что вид из окон оказался более чем шикарным, и единственное, что могло с ним соперничать, это цены в меню, которые больше походили на номера телефонов.

Первый уровень ресторана был обычным, насколько он вообще мог быть обычным в заведении подобного класса. Дорогой паркет, ручная роспись на стенах, круглые столики и белоснежные скатерти. Мягкие стулья и сверкающие люстры. Дорогая посуда из белого фарфора и хрустальные бокалы, которые мелодично звенели, соприкасаясь друг с другом. Красивые букеты на каждом столике и живая музыка. В центре ресторана — небольшой помост, где стоял белоснежный рояль, за которым сидел молодой пианист во фраке и с бабочкой. Туда-сюда

сновали со сладкими улыбками на лицах услужливые официанты в фирменных жилетках и белоснежных рубашках.

Красиво, но обычно.

А вот второй уровень — совсем другое дело. Я никогда там не была, и фотографий в сети крайне мало: хозяева «Арабески» тщательно скрывали свое детище. Но слухами земля полнится, и кое-что можно было узнать. Второй уровень представлял собой десяток отдельных комнаток, оформленных каждая в своем оригинальном стиле. Мало того, за каждой комнаткой был закреплен повар, готовящий блюда, относящиеся к строго определенной кухне. Японской, итальянской, средиземноморской, французской, мексиканской, индийской и т. д.

Еще босс водил сюда всех своих пассий. Своего рода боевое крещение на роль любовницы хищника. Я это знала, потому что сама заказывала для них личную комнатку. Вот что меня всегда интересовало, так это, как и за какие заслуги для Ника Н'Ери находилось место в любое время.

Теперь он привел сюда меня.

Стоило призадуматься. Но в вечер пятницы анализатор из меня никудышный.

Я глазам своим не поверила, когда Ник обнял меня за талию и настойчиво, но мягко подтолкнул к лестнице, ведущей на второй этаж. Рука у него была горячее, и это чувствовалось сквозь тонкий шифон блузки. В обморок я не упала, дрожь с ног до головы по телу не прошла, жара в животе не ощутила. Все эмоции, о которых взалхлеб говорили девчонки на работе, прошли мимо меня, даже не задев. Ну тронул и тронул, что в этом такого? А руки у всех двуликих горячие, потому как они и не люди вообще.

— Не останавливайся, Измайлова, — шепнул хищник, видя мое замешательство.

— Н'Ери, — пробормотала я, спиной чувствуя взгляды, которые бросали на нас не только гости ресторана, но и официанты.

«Еще одна девчонка хищника», — читалось на лицах, и я раздраженно фыркнула.

Как все грустно и предсказуемо.

Комната, которую снял для нас Ник (черт, как же двусмысленно звучит), была оформлена во французском стиле. Светлые однотонные стены, бежевый паркетный пол, искусственно состаренная мебель, серо-бежевый диванчик и кресла с разными ножками, небольшой столик, лепнина, украшающая стены и

потолок, картины в старинных рамах, зеркала, в которых отражалась моя вытянувшаяся физиономия, в углу камин, на полке которого стояли красивые золоченые подсвечники.

Свет был приглушен, что создавало интимный полумрак, играла легкая ненавязчивая музыка, на столе горели самые настоящие свечи, бросали блики на дорожную посуду и наполняли комнату запахом воска, который причудливо сочетался с ароматом лепестков роз, лежавших прямо на полу.

— О-о-о, — прошептала я, оборачиваясь к Нику. — Это... это. Хотелось сказать «катастрофа», но сдержалась.

— Кхм. — Мужчина, который вошел следом за мной, озадаченно почесал затылок. — Перестарались.

— Ты что, решил от меня избавиться? — скрестив руки на груди, воинственно уточнила я.

— С чего ты взяла? — удивился Н'Ери, обошел меня и взял из стоящего на столе ведерка со льдом бутылку шампанского.

Кубики льда мелодично звякнули под музыку и затихли.

— Два года назад ты мне сам сказал об этом. Никаких отношений. Никогда. Если вдруг я решу с тобой переспать, то ты, конечно, возражать не будешь, но на следующий день мне придется собрать манатки и пойти на все четыре стороны. Или я что-то упустила?

— Не упустила. Только не на все четыре стороны. Я обещал устроить тебя в другой отдел, — продолжая изучать этикетку, произнес мужчина. — Хорошее шампанское. Французское.

— Не сомневаюсь. Ник, если ты решил меня уволить, зачем такие сложности? Просто сказал бы. А то свечи, музыка, романтика...

— Измайлова, — вздохнув, покачал головой Н'Ери, — не усложняй. Садись. Сейчас принесут заказ, и мы все обсудим.

— Ты уже и заказ сделал, — сказала в ответ, но в кресло села.

Попыталась вспомнить, что сегодня ела, кроме антистрессовой шоколадки. Утром пила черный кофе. Всего глоток, больше не осилила. Дома закончилось молоко, и горький напиток был совсем не в радость. Еще наспех проглотила бутерброд, пытаясь влезть в узкие сапожки и не упасть, прыгая на одной ноге и зажимая сумку с документами под мышкой. Так спешила, что даже водой не запила, поэтому завтрак комом стоял у горла, вызывая тошноту, которая стала еще больше подкатывать в душном вагоне метро. Никогда не радовалась так свежему воздуху, как этим утром, выбравшись на поверхность. Да и погода стоя-

ла отличная — легкий морозец и хлопья медленно падающего снега.

Еще был обед, состоящий из салата, щедро приправленного майонезом, и пирожка. Салат я не доела, слишком жирно, а вот пирожок слопала и запила большой кружкой чая, рассеянно слушая болтовню подружек.

Живот заурчал, напоминая, что нормально поесть не мешало бы. Тем более в таком заведении, когда за тебя платит шеф.

— Тебе понравится, — присаживаясь напротив, ответил он, и глаза опасно блеснули в свете камина.

— Лягушачьи лапки будешь есть сам, — на всякий случай предупредила я.

Есть, конечно, хотелось, но не до такой степени.

— Я заказал кое-что повкуснее.

Музыка, романтическая обстановка — это нервировало и заставляло постоянно быть настороже. Еще и шеф улыбался так, что у меня внутри все сжималось от ощущения надвигающейся беды.

Официант, высокий молодой человек совершенно обычной наружности с радушной улыбкой на губах, перед тем как войти, постучал и дождался разрешения. Я сначала не поняла зачем, а потом догадалась. Диванчик-то мягкий, удобный, мало ли чем гости тут занимаются в потемках, в окружении лепестков и свечей.

Пока приходила в себя от осознания компрометирующей ситуации, официант поставил перед каждым широкое блюдо, на котором одиноко возвышалось произведение искусства — кусочек мяса, зелень, три кружочка картофеля, ярко-зеленые стебельки спаржи и много соуса насыщенного винного цвета, который был красиво размазан по тарелке.

Пахло вкусно.

Молодой человек тем временем открыл шампанское — от легкого хлопка сердце замерло на мгновение — и разлил по высоким изящным бокалам.

— Если что-нибудь понадобится, вызывайте, — сообщил он, прежде чем удалиться, плотно прикрыв за собой дверь. — Приятного вечера.

— Измайлова, выпьем? — улыбнулся хищник, поднимая бокал.

— На работе не пью.

— Твоя работа закончилась почти час назад. Всего один глоток.

Пришлось подчиниться.

— За тебя, — провозгласил Ник, чокаясь, и я не нашла, что ответить.

Шампанское действительно было вкусным, пузырьки приятно щекотали рот, но спокойнее не становилось.

— Ник, — не выдержала я загадочного поведения начальника, — что тебе нужно?

— Ты попробуй мясо, очень вкусно.

Попробовала. Вкусно, мясо просто таяло во рту, но насладиться до конца, не понимая ситуации, я не могла.

— Ник, спасибо за все, но, может, поговорим?

Недовольно глянул, но спорить не стал, продолжил ловко орудовать столовыми приборами.

— Через неделю Новый год.

— И мои выходные, — напомнила ему, сделав еще глоток шампанского. — Мои законные четыре выходных дня. Ты мне обещал!

За долгожданный отдых я готова была сражаться до последнего. Имелись планы. Грандиозные! Я хотела съездить домой, побыть с родителями и младшей сестрой, потискать Милу. Как же я по всем соскучилась! Даже несмотря на то, что вновь придется доказывать дальним родственникам и соседям, что двадцать шесть лет — это не приговор и называть меня старой девой пока еще рано.

Если Н'Ери попытается лишить меня отдыха, я уволюсь. Пусть такую работу и зарплату мне уже не найти, но всему должен быть предел.

Хотя странно все это — отнимать выходные, пытаюсь компенсировать их ужином в шикарном ресторане. Нет, это совсем не похоже на Ника.

— Я хочу, чтобы ты провела их со мной.

«Раз, два, три, четыре, пять... решил хищник поиграть».

— Нет, — спокойно ответила ему.

— И тебе даже не интересно зачем?

Интересно, конечно, но я отчетливо понимала, что, какой бы ни была причина, для меня это плохо. А фраза «меньше знаешь — лучше спишь» сейчас показалась как никогда актуальной.

— Нет. — Я покачала головой, убирая за ушко прядь волос, которая выскочила из аккуратного пучка.

— Я ожидал такого ответа. Поэтому, — Н'Ери достал из кармана небольшой клочок бумаги с циферками и протянул мне, — вот.

— Что это? — От количества нулей зарябило в глазах.

Это ведь не может быть то, о чем я думаю?

— Денежное вознаграждение за помощь.

— Ты кого-то убил?

— Нет, — тихо хохотнул он.

Не поверила.

— Я должна обеспечить тебе алиби?

— Снова мимо.

— Избавиться от трупа?

— Измайлова, — раздраженно фыркнул Н'Ери, потирая ладонью стриженный затылок, — я никого не убивал и уж точно не стал бы привлекать тебя к заметанию следов.

— Точно? — переспросила я, подавшись вперед и пытливо вглядываясь в волевое лицо.

— Точно.

— Хорошо. Тогда все равно нет.

Шеф снова фыркнул, зыркнул, отобрал бумажку и играючи пририсовал нолик ручкой, которую также достал из внутреннего кармана пиджака, увеличив сумму в десять раз. У меня глаза на лоб полезли.

— Это что? — Голос предательски сел.

Никогда не была алчной и к деньгам относилась спокойно. Но тут даже моей выдержки не хватило.

— Денежное вознаграждение.

Я сглотнула и вновь пересчитала циферки. Господи, это же такие деньги!

— Поняла, — произнесла тихо, когда с подсчетами было покончено, и я смогла нормально говорить. — Ты никого не убил. Ты хочешь, чтобы это сделала я.

Ник едва воздухом не подавился, как-то странно крикнул и покачал головой.

— Нет. Просто хочу ангажировать тебя на неопределенный срок.

— Ты говорил о четырех днях, — тут же уцепилась я за конкретную цифру.

— Это ты про них сказала. Но начнем мы уже завтра.

— Начнем что?

— Готовить тебя в мои невесты, — торжественно провозгласил Н'Ери.

Наверное, он ожидал радостных вздохов, счастливых обмороков и визгов счастья. Не получил.

— Ага, — повторила я, закидывая ногу на ногу, и хохотнула. Точно розыгрыш. Предновогодний. — Все понятно, ты сошел с ума.

— Это еще почему? — обиделся Ник.

— Потому что. — Я схватила бумажку и ткнула ему в нос. — Эти деньги я могу окупить только в виде органов.

— Каких органов?

— Для трансплантации.

— Фу, Измайлова. А говорят еще — хищники кровожадные. Раньше я за тобой такого не замечал.

— Ник, за такие деньги обычно просят сделать что-то противозаконное.

— Или противоестественное, — вставил тот, опираясь локтями о стол и сцепив пальцы в замок. — А иметь невесту для меня противоестественно. От тебя требуется лишь хорошо сыграть мою избранницу и получить за это энную сумму.

— У тебя же есть подружка. — Я покопалась в памяти, пытаюсь вспомнить, на чье имя буквально вчера заказывала роскошный букет роз. Я же помню, что имя было какое-то длинное и вычурное. Почему-то всплыла в памяти книжная полка. А ведь точно. Маргарита. — Почему ты не попросишь об этом Маргариту?

Ник глянул на меня как на сумасшедшую.

— Потому что я не собираюсь жениться. А отвязаться от Марго будет сложно, почти невозможно. В отличие от тебя.

— В смысле?

— Ты меня не любишь.

У меня даже дар речи пропал от такого заявления.

— Что, прости?

— Ты меня не любишь, — повторил он.

— Я и не должна. Ты мой начальник.

Я точно знала, что в контракте пункта «возлюбите начальника своего» не было. Прежде чем подписать, я этот контракт проштудировала от корки до корки раза три, не меньше.

— Начальник, но ты меня не хочешь.

Вот это уже ни в какие ворота не лезло. И вид у него такой, что не понятно: оправдываться или возмущаться. Или и то и другое?

— А должна? — уточнила на всякий случай.

— Ты не понимаешь. Мы чувствуем желание. Запах возбужденной женщины ни с чем не спутаешь, дыхание сбивается, пульс учащается, зрачки расширяются.

— Ты сейчас точно желание описываешь? Больше похоже на лихорадку.

От его чувственной усмешки у меня едва не сбилось дыхание.

— Страсть — это тоже лихорадка. Лихорадка в крови. — Голос Ника стал таким низким, что я сглотнула и нервно поправила воротник блузки, словно проверяла, не расстегнулись ли пуговички.

— Я поняла, — перебила мужчину. — Вы, хищники, чувствуете, когда женщина испытывает желание. Полезная штука.

Полезная — не то слово. Обычным мужчинам приходится из кожи вон лезть, чтобы завоевать расположение женщины. А хищнику надо всего лишь пройти мимо, пару раз улыбнуться, поиграть бровками, унюхать ответные феромоны — и все, охота закончена.

По мне, так это скучно и неинтересно. Никакого азарта и погони. Отсюда и радости от победы особой нет.

— Да. А вот ты ни разу его не испытывала. В какой бы ситуации мы ни находились. Иногда мне кажется, что я тебя даже раздражаю.

Ник произнес последнюю фразу с таким удивительным выражением на лице, что я не стала его переубеждать — не иногда, а очень часто.

— Разве для сотрудничества это не хорошо? Никакого желания, томных взглядов. Только работа.

Звучало как оправдание. Дожили, я оправдываюсь в том, что не испытываю сексуального влечения к своему начальнику.

— Это странно, — задумчиво произнес Н'Ери, разглядывая меня с непередаваемым выражением лица. — Измайлова, а ты мне, часом, не солгала?

Я недоуменно на него взглянула, ожидая продолжения. Конечно, я ему врала, все врут, но палиться не собиралась. Вдруг хищник сейчас имеет в виду нечто другое?

— Я тебя не возбуждаю, парня у тебя нет, ты, часом, не...

— Нет, — перебила его, поняв, куда он опять клонит.

В этот раз не покраснела.

— Точно?

— Точнее не бывает. Ник, на тебе свет клином не сошелся, не все должны сходиться по тебе с ума. Кому-то ты можешь не нравиться.

— Почему я не нравлюсь тебе?

— Не люблю блондинов.

Отмазка глупая и бессмысленная. Ник не блондин в прямом смысле этого слова. Его волосы темно-русые, глаза зеленые, а во второй ипостаси он вообще черный ягуар или пантера.

— Не хочешь рассказывать — не надо. Вернемся к нашему разговору. У Марго просто не получится сыграть невесту. Она же ничего обо мне не знает. Вот какой у меня любимый чай?

— Ты не пьешь чай, — ответила автоматически. — Только кофе.

— Так какой? — Улыбка мужчины стала шире, он даже выразительно мне подмигнул, глядя прямо в глаза.

— Черный, с одной ложкой сахара, — ответила ему, понимая, куда именно клонит Н'Ери. — Это ничего не значит.

— Блюдо?

— Бифштекс средней степени прожарки. Как и у большинства хищников. Ничего оригинального. Этому легко научиться. И запомнить любимые блюда нетрудно, — покачала головой, отказываясь признавать данное обстоятельство достаточным доводом.

— Если бы дело было только в еде. А белье какого размера ношу? — Улыбка медленно превратилась в хитрющий оскал.

Подловил-таки.

— Хорошо, — сдалась я. — Я действительно многое о тебе знаю. Но вот ты обо мне — ничего.

— У нас будет целая неделя, чтобы познакомиться получше. В конце концов, я не столь безнадежен и кое-что знаю.

Вот это уже интересно.

— Например? Какого цвета у меня глаза?

Фыркнул, посмотрел на меня и уверенно выдал:

— Карие.

— Нет.

Нахмурился и не так уверенно поинтересовался:

— Зеленые?

— Нет.

— Не голубые же! — и подался вперед, пытаясь разглядеть цвет радужки в неясном свете.

Я тут же скромно потупила глазки, едва сдерживая смех. Или это слезы? А Ник обиделся.

— Ты издеваешься?

— Просто показываю тебе, что изображать отношения сложнее, чем ты думаешь. Это не информация и знания о партнере, а нечто большее.

— Например.

Легко сказать. Раньше я никогда не решилась бы на подобное, но то ли обстановка сказала, то ли глоток шампанского на голодный желудок сыграл свою роль — дальше все пошло совсем не по сценарию.

Ник меня слушал. Действительно слушал. Склонил голову, отчего длинная прядь упала набок, бросая причудливую тень на лицо. А глаза горели. Интерес и любопытство. Ни капли желания и похоти, но этот интерес все равно грел душу и развязывал язык.

— Сама атмосфера. — Я неопределенно развела ладони и взмахнула, будто это могло помочь мне высказать мысль, которая ускользала, отказываясь формулироваться. — Ее не передать словами, ее надо просто почувствовать.

А хищник был само внимание.

— Влюбленные касаются друг друга, всегда, — продолжила я и, запнувшись, быстро добавила: — Не смейся. Не в этом смысле.

Но Н'Ери даже не улыбался, он терпеливо ожидал продолжения.

— В каком тогда?

Я тяжело вздохнула, быстро встала с кресла, поправила задрывшуюся юбку. Подойдя к начальнику (тот следил за мной с неослабевающим интересом), убрала в сторону бокал с шампанским и села на подлокотник.

— Измайлова, ты что задумала? — усмехнулся Ник.

Испуганным он совсем не выглядел, наоборот, очень заинтересованным.

— Показываю, — спокойно ответила ему. — В первый и последний раз. Так что успокойтесь, господин Н'Ери, и наслаждайтесь представлением.

«Господи, что я творю, что делаю...»

Но отступить почему-то уже не могла.

Еще раз вздохнула, призывая воспоминания об отношениях родителей и о том, как сияли Дашка с Лешкой на свадьбе (ведь до сих пор счастливые, несмотря на то, что женаты уже три года и у них есть Милка), пробуждая собственные воспоминания — до сих пор болезненные, тоскливые и бередящие душу.

Подавшись вперед, подушечками пальцев убрала с рукава пиджака невидимую пылинку и, вздохнув, продолжила:

— Отношения, тем более такие серьезные, как между женихом и невестой, складываются из мелочей...

Накрыла ладонью его руку, которая лежала на столе, и почти сразу убрала ее, скользнув указательным пальчиком. Неудовимо, кокетливо, чтобы почувствовал и не смог забыть.

— Они вроде незаметны, незначительны, но все вместе...

Я все еще не смотрела Нику в глаза, радуясь полумраку в комнате и продолжая играть роль. Поднялась и зашла мужчине за спину, провела рукой от одного плеча к другому. Почти невесомо, но он ощутимо напрягся и застыл, ожидая дальнейших действий. Был бы во второй ипостаси, наверняка шевелил бы ушами.

— ...Все вместе складывается в общую картинку, в которую начинаешь верить, — последние слова я прошептала ему на ушко, выпрямилась и уже хотела снова коснуться начальника, но мне не дали.

Резкий выпад, и запястье болезненно сдавила сильная рука, заставив замереть и растерянно взглянуть на Н'Ери. Это отрезвило почище холодного душа.

«Говорила мне мама: «Не тяни ручки, отхватишь же!»

— Отличная демонстрация, — очень тихо произнес Ник, и желваки заходили на скулах.

А я сглотнула, попав в плен звериных желто-зеленых глаз. Кажется, кто-то доигрался. Но ведь у меня даже мысли не было соблазнять его!

— Я не хотела. Прости... те

— Ну что ты. Наоборот, убедила, что легко справишься с заданием.

Руку не отпускал, липкий пот появился у меня на лбу, напоминая, кем на самом деле является мой босс.

— Я еще не дала согласие, — напомнила ему и начала высвобождаться из захвата.

Ник тут же отпустил. Потирая ноющее запястье, отступила на шаг и замерла у камина. Комната вдруг стала меньше, воздух загустил и завибрировал. Страшно захотелось домой.

— Но ты уже об этом думаешь. Болит?

— Нет.

— Извини, ты застала меня враспloch. Я как-то забыл, что ты женщина, и не успел выставить щиты.

— Все нормально.

А сама бросила короткий взгляд на круглое тату у основания шеи. Большая часть была скрыта за воротником рубашки, но краешек торчал. Темно-синий. Никакого изменения или свечения. Это хорошо. Значит, зверь под контролем, и желтизна радужки ничего не значит, кроме желания.

— Испугалась? — понимающе кивнул Ник.

Я не сразу нашлась с ответом, а потом пожала плечами и произнесла:

— Ты застал меня враспloch. Я как-то забыла, что ты хищник.

— Туше, — улыбнулся Н'Ери, и напряжение в воздухе начало сходиться на нет. — Не хочу, чтобы ты меня боялась.

Я вернулась на место, пытаюсь идти ровно, хотя ноги все еще дрожали, пожала плечами:

— Мне не стоило подходить так близко.

Мясо уже остыло, но есть не хотелось. Я потянулась к бокалу с шампанским, но тут же отдернула руку. И так глупостей чуть не натворила, нашла с кем играть. Хватит, какой алкоголь.

— Стоило. За эту неделю нам надо будет научиться спокойно реагировать на близость.

Надо же, как быстро он все решил.

— Для тебя это так легко и просто. А я не могу вот так сразу дать свое согласие неизвестно на что.

— А ведь вознаграждение немаленькое. Этих денег тебе хватит, чтобы покрыть долг по ипотеке.

И не только. Мало того, что я все оплатила бы банку и стала полноправной владелицей своей уютной однушки, так еще хватило бы на холодильник. Большой, монохромный и двухкамерный, с отдельной морозилкой, в которую столько всего поместится.

А еще диван. Новый, не скрипучий и мягкий. Чтобы лечь и спать, не боясь, что какая-нибудь пружинка воткнется в бок и продерет его до крови.

Но все эти блага цивилизации таяли перед одним весомым вопросом:

— Ты меня покупаешь?

— Измайлова, — тяжело вздохнул Н'Ери. Его глаза уже вернули нормальный оттенок. Но все равно смотреть на шефа было тяжело и даже в какой-то степени стыдно. — Если бы тебя можно было купить, я бы даже париться не стал. Спокойно перевел бы тебе аванс, схватил в охапку и сделал все, что захотел. Но ты же сама знаешь, что это не так. Я прошу тебя не потому, что ты продажная, а потому что мне нужна помощь. Считай это обычным заданием, за которое ты получишь зарплату.

В его интерпретации все звучало совсем по-другому и не так сложно.

— И что тебе нужно?

— Так ты согласна?

— Я еще думаю. Но прежде, чем согласиться на работу, я хочу знать причины, условия и обязанности. Раз это чисто деловое соглашение.

— Условия просты: ты в течение двух-трех недель, точные сроки сказать не могу, играешь роль моей невесты. Безумно влюбленной и очень счастливой.

Я хмыкнула. С этим могут возникнуть проблемы. Жизнь показала, что влюбленная дурочка из меня не получается, даже если очень захотеть.

— И перед кем? Пресса будет задействована? Мне совершенно не хочется отбиваться от толпы твоих поклонниц. Да меня девчонки из соседних отделов на части разорвут.

— Пресса — это цветочки. Здешние не узнают, если ты сама не скажешь. Нам придется играть роль возлюбленных перед моими родственниками.

То, что у Н'Ери есть семья, я знала. Не мог же он появиться из воздуха. У всех есть мама-папа и, может, кто-то еще. Хищники вообще придают большое значение семье и клановой иерархии. Но в подробности никогда не вникала, а Ник не рассказывал.

— Они живут в резервации, — добавил он неожиданно тихо, смотря куда-то поверх моей головы.

Вот тут я вздрогнула и тяжело сглотнула.

— Но мы туда не поедem, — добавил Н'Ери, поняв, какие мысли возникли у меня в голове.

Выдох. Какие бы деньги босс ни предлагал, но для человека поездка в самое сердце поселений хищников подобна самоубийству. Никакое заступничество мужчины не поможет. Это как впустить козу в клетку с волками. Я себя козой считать отказывалась. Подавятся.

— А как твои родственники отреагируют на появление невесты-человека?

— Нормально. Мои родители не столь консервативны. На новогодние праздники мы традиционно собираемся всей семьей на горнолыжном курорте. У нас там свой домик. Туда мы перед новым годом и отправимся.

— И зачем тебе невеста? Ведь раньше ты ездил без этого доверка.

Ник не спешил отвечать. Взял бокал и в два глотка осушил его.

— Все очень просто и прозаично, Измайлова. Деньги.

— Деньги? — удивленно протянула я.

— Деньги, — кивнул начальник. — Один мой состоятельный родственник грозит вычеркнуть меня из завещания, если я не одумаюсь и не найду себе постоянную девушку.

— А что помешает ему через три недели, после того как наш спектакль закончится, осуществить задуманное?

— Смерть, — тихо ответил Н'Ери, и я поежилась. — Он умирает. Врачи дают не больше месяца. Так что можешь не переживать, долго этот спектакль не продлится.

— Мне жаль.

По его лицу сложно было понять, какие чувства Ник испытывает к умирающему.

В голове что-то щелкнуло, и я нахмурилась.

— А тебе не кажется, что появление из ниоткуда невесты как раз перед смертью родственника более чем подозрительно?

— Логично, но так уж вышло, что информацию о своей невесте я начал распространять еще полгода назад.

— Зачем?

Ведь просто так возлюбленные с потолка не падают, должна быть веская причина. И мне она заранее не нравилась.

— Дело в том, что мои родственники пытаются помочь мне в обустройстве личной жизни.

— О-о-о. Подсовывая свои варианты?

— Вариант.

Надо же, какое единодушие. Невеста выбрана, родственниками облюбвана, а жених нос воротит.

— А эта дама тоже будет присутствовать?

Ведь знала, что да, но все-таки на что-то надеялась.

— Да. Но ты не переживай, я тебя в обиду не дам.

Она ведь наверняка хищница — зубки, когти и шерсть, прикапает под кустиком, и останутся от Вики рожки да ножки.

— Мээрин ничего тебе не сделает, — поняв, в какую сторону пошли мои мысли, произнес Ник. — Она высшая. Такие... она считает ниже своего достоинства трогать людей.

И слава богу. Я готова была смириться с участью букашки, лишь бы остаться живой и здоровой. Ник мог говорить все что угодно, но женское коварство не знает границ.

— Твое решение?

— А я должна ответить прямо сейчас? — Я водила вилкой по тарелке, размазывая соус и рисуя елочку.

— Чего тянуть?

— Ник, тебе не кажется, что это перебор? Я не могу вот так просто принять решение. Надо подумать, все взвесить.

— А как же дух авантюризма?

Я скептически приподняла бровь. Ник расхохотался.

— Да, ты права. Ты и дух авантюризма — это две вещи несовместимые. Но ты отлично меня знаешь.

— В том то и дело, что знаю, — вздохнула в ответ. — Я слишком хорошо тебя знаю и понимаю, что ты рассказал мне далеко не все.

— Если только то обстоятельство, что все эти дни нам придется спать вместе, — произнес Н'Ери и тут же добавил, глядя на мое вытянувшееся лицо: — Измайлова, выдохни и расслабься. Я сказал «спать», а не «заниматься сексом». На тебе должен остаться мой запах, и желательно, несвежий.

— Мне что, нельзя будет мыться целую неделю?

Почему-то данный вопрос встревожил больше, чем наличие в моей постели обнаженного хищника. Я так и представила грязную себя за праздничным столом, а у меня над головой мухи кружатся и жужжат. Откуда зимой мухи? Они просто не смогли пройти мимо такой вони!

— Можно, запах тела это все равно не перебьет.

Я едва не завывла.

— Ты чего?

— Господи, Н'Ери, ты в своем репертуаре. Разве так можно?

- Ты же просила правду.
- Прости, но нет. — Я покачала головой. — Не могу. Поверь, актриса из меня никудышная. Я только все испорчу.
- Хорошо. Не буду давить. У тебя впереди ночь, чтобы подумать, а завтра утром я жду ответа.
- Боюсь, он останется прежним.
- Значит, так тому и быть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Надо отдать Н'Ери должное, остаток вечера он действительно больше не поднимал тему «жених-невеста-тили-тили-тесто» и вел себя вежливо и обычно.

Вслед за мясом, которое я так и не доела, официант принес вкуснейший десерт с фруктами, кусочками бисквита и взбитыми сливками.

Я думала, что после моего отказа повиснет тягучая тишина, полная неловкости и молчания. Но снова ошиблась.

Мы разговаривали. Больше часа! Скванность ушла, и я сама не заметила, как разоткровенничалась.

Ник спрашивал, а я отвечала. Темы были самыми разнообразными: книги, кино, вкусовые предпочтения. Вроде бы обычный, ничего не значащий светский разговор. Это потом до меня дошло, что, расслабившись, я утратила бдительность и подыграла хищнику.

Ник узнавал меня, причем делал это так ненавязчиво и легко, что я все пропустила, считая, что это просто дань вежливости. А ведь до этого момента думала, что я умная.

— Мне пора домой, — произнесла, взглянув на часы. Вечер был по-настоящему удивительным, но всему приходит конец. — Извини, что так получилось.

— Не переживай. — Ник скупно улыбнулся, длинные пальцы касались высокого бокала. Мужчина за вечер выпил уже три, но это было не важно, алкоголь быстро выводится из организмов хищников, и они не пьянеют. — Но мне действительно жаль, что ты отказалась.

— Я не умею играть и притворяться.

— Ты к себе несправедлива.

— Если бы, — вздохнула я. — Вот ты сказал, что хищники чувствуют желание, улавливают феромоны. А ты подумал, что

скажут твои родственники, когда не увидят этого желания? Запах на коже есть, а желания нет? Разве это не подозрительно? Я бы насторожилась.

— И это говорит мне женщина, — хмыкнул Н'Ери. — Виктория, любовь — это составляющая страсти, а не сама страсть. Предполагается, что мы встречаемся уже полгода.

— И что? За полгода мы так друг друга достали, что желание ушло? Тогда нам не жениться, а расходиться надо.

— Оно превратилось в нечто большее. В настоящие чувства.

— Звучит как-то неправдоподобно.

— Измайлова, ты думаешь, я не смогу пробудить в тебе желание? — неожиданно выдал шеф, и зеленые глаза ярко сверкнули на его лице.

— Не поняла. — Я замерла, удивленно разглядывая начальника. — Ты же сказал — никакого секса.

— Сказал. Но что мешает тебе испытывать желание?

— Практика показала, что что-то мешает, — многозначительно протянула я.

Он покачал головой, вдруг подался вперед и накрыл ладонью мою руку, лежащую на столе.

— Виктор-р-р-рия. Тор-р-ри... — бархатисто прорычал он, и у меня от неожиданности волоски на коже встали дыбом. — Поверь мне, я могу заставить тебя хотеть меня, мучиться от желания, вздрагивать от каждого прикосновения, сгорать от неудовлетворенности. А то, что ты раньше этого не испытывала, — голос понизился чуть ли не до шепота, и я замерла, прислушиваясь, задерживая дыхание и боясь упустить хоть что-то, — так я просто никогда не использовал свое обаяние на полную катушку. Ты отличный помощник — умная, ответственная, спокойная, а девушек для секса мне хватает.

— Но сейчас ты готов поступиться этим правилом, — выдержав руку, заметила я.

Ник сразу выпрямился и продолжил меня разглядывать. Глаза вновь пожелтели, но не сильно. Смотрелось это, конечно, красиво, но было опасно.

— Мы просто не дойдем до главного. Иногда ожидание сводит с ума больше, чем сам секс. Представь, какие искры будут сиять между нами?

— Не будут. Я отказалась, — ответила ему, только сейчас осознав, какой опасности мне удалось избежать.

Три недели рядом с хищником, который усиленно разыгрывает соблазнительного жениха — слишком даже для меня. В конце концов, я же не железная, и парня у меня не было уже... Я даже не могла вот так сразу вспомнить, когда в последний раз это было.

— Я все-таки надеюсь, что ты передумаешь, ведь предложение очень заманчивое. В любом случае я буду ждать от тебя звонка завтра утром.

— Мой ответ не поменяется, — на всякий случай предупредила его.

— Ты все равно мне позвони. А если передумаешь, то можешь потревожить в любое время суток.

— Никогда не сдаешься? — хмыкнула я.

— Не в моих правилах.

— Хорошо. Мне надо вызвать такси.

— Я отвезу тебя.

— Не думаю, что это уместно, — пробормотала в ответ.

— А ты не думай. И не тревожься, Измайлова, какой бы ответ ты ни дала, он никак не повлияет на наши рабочие отношения.

— Поняла.

Хотя и не поверила.

Ник действительно отвез меня домой, напомнил о звонке и тут же уехал, оставив на заснеженном тротуаре. Я еще некоторое время смотрела ему вслед. Мороз крепчал и щипал за щеки, напоминая о том, что на улице не май месяц и надо бы войти в подъезд.

Нет, отказываюсь я понимать этих хищников.

Часы показывали одиннадцать вечера, когда я наконец скинула одежду, сняла сапожки и, рухнув на диван, блаженно вытянулась. Какое же счастье — сбросить ненавистные каблуки и дать ногам отдохнуть.

Первые выходные за последние пару месяцев. И не просто один день, а целых два. Я до сих пор не могла поверить своему счастью. Завтра отлежусь, отосплюсь и раньше двенадцати из постели не вылезу. Устрою себе настоящий день отдыха. Никакого дресс-кода, лишь любимая пижама. Вместо шпилек теплые носки. И нормальная домашняя еда. Пусть не французская, но очень вкусная.

Кстати, о домашних. Дашка сказала позвонить, как бы поздно я ни вернулась. Просто так младшая сестра точно не стала бы об этом просить.

Потянувшись, я достала телефон из сумочки, которая валялась рядом с диваном, и набрала номер, устроив голову на мягком подлокотнике.

Ответила сестра почти сразу, словно все это время непрерывно держала телефон в руках и ждала моего звонка.

— Вик?

— Привет. А вот и я, — немного виновато сказала ей.

— Ты поздно.

Не упрек, а просто замечание. Словно Дашка не знала, как начать разговор, и говорила на совершенно отвлеченные темы.

— Прости, рабочие моменты, — ответила ей, развязывая бант на блузке. — Итак, что ты мне хотела рассказать?

— Слушай, родители велели мне ничего тебе не говорить, но я так не могу.

Начало было нехорошим.

— Не можешь что?

— У нас хотят отобрать дом.

— Что?!

От неожиданности я села на диване, забыв про усталость, боль в ногах и во всем теле.

— Дашка, я не поняла, что значит — отобрать? Кто? Почему? Как?

— Полгода назад папа взял деньги в долг под залог дома.

Я закрыла глаза и мысленно досчитала до десяти. Сейчас самое главное — сохранять спокойствие и не поддаваться панике и эмоциям.

— Так, Даш, давай сначала и по порядку. Что значит взял? У кого? Когда? И почему я ничего не знаю?

Последний вопрос меня интересовал больше всего.

— Я тоже ничего не знала, до вчерашнего дня. Полгода назад отец взял два миллиона у Морозова, — тихо ответила сестренка.

Пришлось прикусить себе щеку, чтобы не выругаться. Альберт Морозов — местный меценат, политик и бизнесмен, а по факту бандит, который не гнушался ничем ради своих целей. И сыночек у него был такой же.

Со мной в одном классе училась Лерка Кузнецова, красивая и яркая девочка, которой не повезло попасться на глаза Морозову-младшему. Дело тогда так и не открыли, считалось, что

девчонка сама на него вешалась. А синяки и ссадины, которые украшали ее лицо, так с лестницы упала. Кузнецовы почти сразу уехали, говорят, с довольно крупной суммой в качестве компенсации за моральный ущерб. Лерку я так больше и не видела, она оборвала контакты со всеми.

Я сама была свидетелем данной ситуации, про остальное ходили слухи — о рейдерских захватах, угрозах, шантаже и даже похищениях.

— Дашка, — свистящим шепотом спросила у сестры и медленно встала, — вы как такое могли допустить?

— Мы не знали. Ты же сама помнишь, как тяжело было тогда. Мама больна, операция. Мы же из больницы почти не вылезали.

Я помнила и до сих пор вздрагивала, вспоминая бледную маму с кучей трубок и пищащих приборов. Пять часов в операционной, когда от страха холодели руки и голос уже срывался от молитв, которые мы, не переставая, шептали.

Три дня, которые выделил мне Ник на то, чтобы побыть с матерью. Я была ему благодарна и за это.

— Ты же помнишь, папа сказал, что деньги ему дал кто-то из друзей.

— Помню. А получается, что это был Морозов. Но почему такая сумма? Откуда такие цифры?

— Одно на другое наложилось. Рак, срочная операция, реабилитация, уход. Плюс они затеяли тогда расширение магазина, выкупили второй этаж и начали ремонт. Еще и грузовик сломался, а как развозить товары без грузовика? — Сестра тяжело вздохнула. — Снежным комом все навалилось. Сразу. Мы же тогда на нервах были. И папа... Ты же знаешь папу, он в документах ничего не понимает.

— Куда Андрей смотрел? — рявкнула я. — Разве это не входит в обязанности юриста — следить за тем, чтобы папа не подписал то, чего не надо?

— Он не виноват. Папа не стал ему ничего рассказывать. Знал, что тот будет против. А деньги были нужны срочно.

— Так, хорошо. — Я заходила по комнате. — С этим ничего поделывать нельзя. Но почему Морозов забирает наш дом? Отец просрочил платеж? Почему мне не сказали?

— Они договорились, что эта сумма будет выплачиваться в течение двух лет.

— И? Прошло же полгода.